

УДК 811.161.1 + 81'282.2 + 81:39

DOI: 10.17223/19986645/61/4

В.С. Кучко

ЛУК В СЕВЕРНОРУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Анализируется севернорусская лексика, относящаяся к луку и практике его выращивания и употребления: комментируются семантико-мотивационные особенности слов, которые называют части лука, особенности его роста, единицы его хранения, блюда из лука и др. Показано, что рассматриваемая лексика в говорах Русского Севера соотносится с богатым этнографическим и фольклорным материалом, связанным с предписаниями, касающимися покупки, передачи, посадки, разведения лука и пр.

Ключевые слова: севернорусские говоры, диалектная лексика, лексика огородничества, лексика сельского хозяйства, этнолингвистика, семантико-мотивационная реконструкция.

Настоящая статья нацелена на выявление идеографического своеобразия севернорусской лексики, относящейся к выращиванию и употреблению лука. Материалом для нее послужили главным образом полевые записи Топонимической экспедиции УрФУ (ТЭ УрФУ), а также данные диалектных словарей этой территории. Статья имеет трехчастную структуру. В первой, вводной, части представлены сведения о фольклорной и этнографической составляющей традиции выращивания лука на Русском Севере, что обеспечивает контекст для рассмотрения языковых «луковых» данных. Во второй, основной, части собственно языковой материал подается по тематическому принципу, причем лексемы или словообразовательные гнезда, как правило, сопровождаются комментариями о своем семантико-мотивационном своеобразии. Краткое заключение носит обобщающий характер и содержит предположения о причинах разработанности рассматриваемой группы смыслов в севернорусских областях.

На территории Русского Севера ТЭ УрФУ обнаружила следы богатой лингвокультурной традиции, связанной с выращиванием лука. Ее «эпицентром» можно считать центральные и восточные районы Вологодской области (в особенности Тотемский и Никольский, где «луковый» материал собирался целенаправленно). Рассматриваемую традицию составляют: «луковая» лексика – слова, называющие виды и части этого растения, особенности его произрастания, способы хранения, употребления и др.; этногра-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351). Автор благодарит К.В. Осипову, которая указала на ряд языковых фактов, ценных для разработки темы статьи.

фические сведения – о времени посадки и уборки лука, элементах магических практик, способствующих хорошему урожаю лука и под.; фольклорные тексты магических приговоров, сопровождающих посадку лука.

Этнографической составляющей обсуждаемой традиции посвящена статья [1]. В ней собраны различные предписания, которые соблюдают носители традиции, главным образом, во время двух ключевых для успешного культивирования лука событий: *п е р е д а ч и* своего лука для посадки другому лицу (и, с другой стороны, принятия семенного лука у кого-либо) и самой *п о с а д к и* луковиц в землю, ср. замечание информанта, акцентирующее на них внимание (приводим здесь и дальше только те «этнографические» контексты, которые отсутствуют в упомянутой публикации): «Лук сажают с хитрём <с ухищрениями>, а отдают кому только с наговором, иначе у тебя не будет расти» (Ник.)¹. Отдача своего лука и его принятие оказываются одинаково опасным моментом как для дающего, так и для принимающего, поэтому оба они соблюдают определенные правила (к примеру, дающий передает лук не через горловину мешка, а разорвав его дно; акт передачи нельзя осуществлять через забор; получивший возвращается к себе в дом определенным образом; лук нужно отдавать только в своей таре: «С ведром соседка за луком пришла, а я ей не дала в её ведро, она бы у меня лук забрала. Только в своём ведре отдавай» (Ник.) и мн. др.). При посадке внимание нужно обращать на день недели, время суток, поведение тех, кто сажает лук, и пр., ср., к примеру, способы поддержания хорошего лукового урожая – своеобразный обман враждебных сил, достигаемый неправильным (обратным) направлением посадки («Лук сажали, надо 4–5 луковиц посадить вверх корнями <...>. Гнить не будет, расти будет хороший» (Ник.)) или кражей саженцев («Если лук плохо стал расти, возьми 2–3 луковицы от хозяек из разных деревень. И не любые деревни, а такие, чтоб не видели друг друга. Чтобы луковицы друг друга не обурочили <не сглазили>. Из трёх огородов возьми – и лучок станет расти» (Ник.)).

С невербальными действиями, направленными на получение и сохранение урожая лука, тесно связаны вербальные: его посадка нередко сопровождалась приговорами. Некоторые из них универсальны – произносятся не только при посадке лука, но и любой другой культуры. В частности, к ним относятся краткие магические тексты, реализующие формулу «чтобы всем хватило», по определению В.В. Усачевой [4. С. 90]. Они в различных вариациях распространены на широкой славянской территории и строятся на перечислении тех, кто, как предполагает субъект речи (осуществляющий посадку), заинтересован в результатах посева. При этом просьба о том, чтобы каждый из названных был обеспечен своей долей, призвана увеличить овощной или зерновой достаток хозяина. На вологодской территории в подобных приговорах представлена апелляция к Богу, выраженная

¹ Приводимые контексты, которые являются материалами ТЭ УрФУ, даются без ссылки на источник; во всех случаях подразумевается [2] для архангельских и вологодских данных и [3] для костромских.

обращением и глаголом 2 л. ед. ч. (*народи, Господи / нарости, Господи*), и перечислительный ряд обозначений адресатов-потребителей, среди которых обязательно упоминаются *нищие* и *пищие*, а остальные компоненты формулы варьируют, ср. некоторые примеры: «Когда начинаешь что-то садить, опускаешь плод или семечку в землю и говоришь 3 раза: “Народи, господи, для пищих, для нищих, для всех крещеных людей. Аминь”» (Тот.); «На нищего, на пищевого, на злящего, на завидящего и на всех крещеных нарости, Господи» (Тот.) и мн. др. Подробно о прагматических установках произносящего формулы этого типа, их лексическом составе и мотивах включения тех или иных компонентов в состав приговора см. в [5].

Значительная часть записанных на севернорусской территории приговоров и текстов заговорного типа, по словам информантов, может быть применена только к посадке лука. Ниже приведены примеры, собранные ТЭ УрФУ в Вологодской области, а также экспедициями МГУ в Архангельской области. Среди них встречаются:

– краткие апотропеические приговоры: «“Расти, лучок, людям на зависть, а мне на славу”. Сказать три раза. Крещу в огороде» (Ник.); «Лук сажу, так местечко обведу и скажу: “Лучок сажу сама себе на радость, а людям – на завидость”» [б. № 1270];

– приговор с апелляцией к «участникам» процесса посадки: «При посадке лука приговаривают: “Лучок, прими земельку, и земелька, прими лучок”» [Там же. № 1271];

– краткие тексты заговорного типа, направленные на защиту лука от птиц, разрабатывающие мотив слепоты и построенные с помощью параллелизма «Как я / курица / N не видит... так никто / курица не увидит...»: «Три раза переговоришь: “Как я, раб божий, не вижу своих рук, так не видел бы никто моих садов”. Говоришь, чтобы птита не съели его» (Тот.); «Сажу лук под вечер поздно, когда солнышко садится, и приговаривай: “Как курицы не видят, сидят на седалах, так и лук не видят мой”. А они на седала усядутся, уж ничего не видят» [Там же. № 1262]; «Беру луковку, за пазуху ее да из подола вытащу и скажу: “Как курица этой луковки не видит, так чтоб мой лук не видела, не клевала”»; «В огороде, когда лук садишь, первую луковку откнёшь: “Как курица свою жопу не видит, и так штыбы огород не видела”. Три раза»; «Чтобы куры лук не воровали, нужно, когда первую луковку сажают, сказать: “Как курица свою жопу не видит, так и лука не видь” [Там же. № 1254–1256]; «Когда сажают лук, надо сажать его из заднего подола, чтобы курица не видела, и приговаривают: “Как подол мой никто не видит, так бы никто не видел мой лучок, не выгребал”. И сразу начинают сажать. Так делали, чтобы курочка лучок не выгребала» [Там же. № 1258];

– приговор, по форме подобный приведенным выше, предназначенный для защиты хозяина от кражи лука: «Лук сажу, в задний подол три луковки кладу: “Как за подол за мой никто не держится, не хватает, так и за мой лук никто не держится, не хватает. От ин до веку. Аминь”. Чтоб не воровали. Сама про себя это проговариваю» [Там же. № 1259];

– краткие тексты заговорного типа, построенные на сравнении свойств будущего лука с полезными свойствами других растений или предметов и сопровождаемые ритуальным действием: «Подруга у меня лук садила и крапиву рядом с луком посадила – и говорила: “Как крапива везде растет, так и лук бы везде рос”» [6. № 1272]; «Чтобы лук хорошо рос, не завязанный березовый веник нужно опустить в воду и побрызгать лук. “Расти, мой лучок. Травка – с оглоблю, а луковка – с трубу. Аминь”. Три раза» [Там же. № 1273]; «Когда садишь, взять от колоса трубицу, три раза продеть луковицу (не пару!): “Как трубица крепка, ницего с ней не делается, так бы и с луком моим ницего не делалось”» [Там же. № 1283];

– приговор, подобный приведенным выше, не подразумевающий наличия акционального компонента ритуала: «Чтобы лук рос, говорили слова: “Пойду на луг, нарву дикий лук. Посажу в огороде. Расти, лук, не низкий, а высокий, не мелкий, а крупный”» (Ник.);

– краткий заговорный текст, направленный против насекомых-вредителей: «Сажаю тебя, лук, заговариваю червя, заговариваю моль. Отступитесь от моего лука, от моей грядки. Не грызть вам лука моего, не грызть вам травы моей, уйдите в землю на тридевять метров» (Тот.).

Учитывая столь разработанную фольклорно-этнографическую составляющую «луковой» традиции, логично предположить, что в говорах Русского Севера будут представлены и разнообразные лексические факты, «обслуживающие» эту область огородничества. Дальше в статье будет рассмотрено идеографическое своеобразие этой лексики. Некоторые слова (а именно те, которые особенно интересны с мотивационной точки зрения, являются «темными» по происхождению, представляют любопытный семантический сдвиг и под.) будут сопровождаться семантико-мотивационным комментарием.

* * *

Обращение к диалектным словарям и картотекам показывает, что в севернорусских говорах разработана обширная понятийная сетка, которая охватывает почти весь цикл «жизни» лука от его разведения до употребления в пищу.

Подробно представлена «анатомия» лука. Она может отражать антропоцентричный взгляд номинатора: помимо общенародной *головки* лука (ср. еще влг. *голова́* [2]), фиксируется арх. *волосы*, влг. *волосья* ‘корни лука’ [7. Т. 2. С. 158, 159], костр. *плечики* ‘о верхней части луковицы’, фигурирующее также в выражении *плечики показать* ‘о луковиче: показаться над поверхностью земли’ [3], влг. *носочек* ‘зеленое перо лука’ [8. Вып. 21. С. 294]. Обозначаются: ■ зеленые перья лука – арх., новг. *перьё* [Там же. Вып. 26. С. 298], костр. *пёрьешки* [Там же. С. 299], влг. *травина*, *травинка* [9. С. 536], влг. *тетива́* [2], арх., карел. *осота́* [2; 8. Вып. 24. С. 46], арх. *бачина́* [7. Т. 1. С. 81], арх. *осотка́* [2], новг. *бот* [8. Вып. 3. С. 128], влг. *ботма́* [7. Т. 1. С. 171]; ■ нижняя (мясистая) часть лукового пера – костр. *чив*, *чиво*, *чивок*, *чивышко*: «У лука перо отрежешь – останется чив, как

трубочка, как папиросу дохнешь – и будешь здоровым», «У луковицы чиво с палец толщиной, а потом перо» [3]; ■ семенная коробочка лука – влг. *бульбочка* [2], влг. арх. *бот* [8. Вып. 3. С. 128], арх. *боб* [7. Т. 1. С. 121], влг. *кокóвка*, *кокóвочка* [Там же. Т. 5. С. 223], влг. *колоколéц* [2]; ■ стрелка лука – арх., влг. *бот* [7. Т. 1. С. 166], арх., влг. *бóтень* [Там же. С. 170], влг. *ботёнье* [Там же. С. 171], влг. *бóтик* [Там же], арх., влг. *ботові́к* [8. Вып. 3. С. 137], влг. *ботові́на* [2; 7. Т. 1. С. 172], арх., влг. *ботовні́к* [7. Т. 1. С. 172], влг. *боб*, *бобóк*: «Лук с бобками-то и луковиц даёт мало, и небольшие оне» [9. С. 26]; костр. *чив* [3]; ■ головка лука – влг. *кокóвка*, *кокóвочка* [7. Т. 5. С. 222, 223], костр. *ма́ковица* [3; 8. Вып. 17. С. 311].

Большинство представленных слов многозначны. Те из «луковых» значений, которые связаны с зеленой, травяной частью, часто находятся в ряду других «растительных» значений, ср. арх. *перьё* ‘листья камыша и других трав’ [8. Вып. 26. С. 298], арх. и др. *перо* ‘отдельное сочленение стебля злаковых растений’ [Там же]; влг. *тетива* ‘стебелек шишки хмеля’, костр. и др. *тетива* ‘ботва огородных растений’ [8. Вып. 44. С. 104]; арх., влг., новг. *осо́та* называет различные полевые и луговые растения [8. Вып. 24. С. 46] (происходя от той же основы, что и общенарод. *острый* [10. Вып. 36. С. 79], названия растений, как правило, отражают признак колючести и способность порезать человека, тогда как значение ‘перо лука’ появилось в гнезде благодаря внешнему виду надземной части лука – острой стрелки); арх., влг. *бачина* ‘палка; ствол, сук, ветка дерева, лежащие на земле’ [7. Т. 1. С. 81]; *бот* арх. ‘ботва’, арх., влг. ‘растение рогоз широколистный’ [Там же. С. 166]; костр. *чивы́*, *чівы́шки* ‘остатки стеблей растений, срезанных, скошенных, съеденных и под.’, *чивьё* ‘ботва растений’ [3].

Интересно, что слова с корнем *чив-* в растительных значениях, по-видимому, записаны только ТЭ УрФУ. Несомненно их родство с севернорусскими диалектными словами вроде арх. *чивьё* ‘рукоятка какого-л. сосуда или орудия’, олон. *чівье* ‘ручка ложки’, арх. *чивця́* ‘трубочка из бересты для нанизывания ниток’ [10. Вып. 3. С. 193] и прочими в основном «орудийными» лексемами, реализующими признак трубчатой, вытянутой формы (< *сѣв-, сюда же, к примеру, рус. общенарод. *цевка*). Близкородственные языки, однако, демонстрируют примеры, когда, как и в случае с луковым пером, этот признак «прилагается» к форме растений, ср. блр. диал. *цаві́на* ‘стебель однолетнего растения (картофеля, помидоров, щавеля)’ [Там же. С. 191], укр. диал. *цівка* ‘ствол дерева’ [Там же. С. 192].

Значения ‘головка / семенная коробочка лука’ нередко появляются среди предметных значений чего-л. круглого и небольшого (в том числе относящегося к растительному миру), ср. *боб* влг. ‘надземный плод картофеля’, арх. ‘комоч в каше’ [7. Т. 1. С. 121], арх., влг. *бóбка* ‘головка цветка или травы; головка на перьях лука, чеснока; бутон; любая часть цветка, имеющая шарообразную форму’ [Там же. С. 122], *коковка* арх., влг. ‘узел волос; утолщение, бугорок, выступ, небольшой предмет в виде шишечки’, влг. ‘небольшой моток пряжи’ [Там же. Т. 5. С. 222–223], диал. шир. распр. *макови́ца* ‘головка мака’ [8. Вып. 17. С. 311].

При этом встречаются корни, эксплуатируемые сразу в нескольких «анатомических разделах», ср. наиболее яркий пример – гнездо корня *бот-*, в целом обладающее широко разработанной растительной семантикой и этимологически связанное с общей идеей разрастания (см. [11. Вып. 4. С. 114], где в качестве соответствия приводится в том числе греч. *φυτόν* «растение»).

Разные стороны «поведения» лука во время его роста тоже замечаются диалектоносителями. Внимание привлекают:

– состояние лукового пера, ср. арх. *опырёть* ‘стать перистым, с зелеными сочными перьями (о луке)’: «Опырел лук-то, хорош стал» [8. Вып. 23. С. 323], арх. *ботовой* ‘дающий стрелку (о луке)’ [2], арх. *ботовік* ‘лук, пошедший в дудку’ [Там же], костр. *баковичный* ‘со стрелками (о луке)’: «Если не в сухом месте хранила зиму лук, дак он бывает баковичный» [3], костр. *баковичник* ‘цветущий лук’ [Там же], костр. *стрелковаться* ‘идти в стрелку (о луке)’ [Там же];

– способность или неспособность луковицы образовывать целое гнездо, ср. влг. *одінка* ‘луковица, которая не делится на несколько отдельных луковок’: «Одинка – луковица, которая не расщедрилась» [8. Вып. 23. С. 29], яросл. *ватажный лук* ‘из нескольких головок’ [Там же. Вып. 4. С. 69], слова корня *грезд-* / *грядз-* / *дрезд-* / *дрозд-* – влг. *грядзіться* ‘расти гнездами (о луке и т. п.)’: «Лук грядзится – пора таскать» [7. Т. 3. С. 148], арх. *дрездзіться* ‘разрастаясь от одного семени, разрастаться, давать много колосьев, стеблей, плодов’: «Рожь эко дрездится: с одного стебелька десяток ещё стебельков. Лук, картоха тожо дрездится» [Там же. С. 267], влг. *дроздіться*: «Лук дроздится в гнездо» [Там же. С. 272], костр. *разгрядзіться* ‘образовать много луковиц (о луке)’: «Разгрядзился хорошо лук, вон гряддок богатый какой», костр. *дроздіться* ‘давать обильный урожай (о луке)’: «У лука много маковиц <луковиц> бывает, и по четыре, и по пять, и по десять, и по двенадцать. Лук дроздится ведь, растёт» [3] (ср. арх., влг. *грядз*, *грядók* ‘гнездо плодов (как правило, о луке, картофеле)’, влг. *грядá* ‘то же’ [7. Т. 3. С. 147, 148], влг. *дрозд* ‘то же’ [Там же. С. 272], костр. *грядók* ‘то же’, костр. *дрэзд*, *дрездók*, *дрозд*, *дрóздик* ‘то же’ [3]);

– необычайный рост луковых перьев, ср. костр. *благovať* ‘бурно разрастаться (о луке)’: «Ой, у меня благуёт, вот нынче лук благовал, такого пера не бывало, особенно эти чивы-то» [Там же]; влг. *дурить* и производные *надурить*, *задурить* ‘то же’: «Лук дурит – в ботву растёт» [2]; влг. *напйятить* ‘то же’ [Там же]; влг. *зашалеть* ‘то же’: «Зашалела нынче вся грядка» [Там же]; влг. *сдичать*: «Сейгод лук сдичал быстро» [Там же]. Последние два глагола из этого перечня имеют, судя по полученным контекстам, узкую «луковую» семантику ‘бурно разрастись, пойти в дудку (о луке)’, тогда как остальные могут характеризовать бурный рост разных растений, особенно зеленой их части, ср. костр. «Помидоры благуют – растут сильно» [3], влг. «Трава нынче дурит», «Лук дурит, картошка дурит, посе-вы тоже дурят», «Вон как у меня петрушка дурит, до потолка дак» [2], арх. «Трава-то сейгод дурит, эка большашша», «Картошка дурит, росьтёд

быстро» [12. Т. 12. С. 376], влг. «Вот сколько напятило! Хороший урожай картошки или луку – naroslo mnogo» [2]. Подробно о гнездах этих глаголов активного роста растений см. [5].

Обозначаются **способы хранения** лука (обычно связанные с мерой измерения сохраняемого). Лук после сбора обыкновенно хранится в связках, где луковицы сплетены между собой своими перьями, за которые их удобно подвешивать для сушки, что отражается в влг. *коси́ца* ‘связка лука для просушки’ [2], арх., костр. *коса* ‘единица хранения лука’ [2, 3], влг. сок. *моту́шка* ‘способ укладки лука на хранение сплетением его в венки’ [2], арх. *вьюнок* ‘связка лука, чеснока для хранения’ [7. Т. 2. С. 281], влг. тот. *плетёнье* ‘то же’ [2], новг., костр. *плетёнь* ‘то же’: «Лук таскаем, на гряды он лежит день, потом убираем и в плетни плетнем» (новг.), «На подволоке пролежит до заморозков [лук]. А потом в плетни сплетаешь, вешали на стену. Сделаешь такую верёвочку и начинаешь. Луковицу с этой стороны, с другой» (костр.) [3; 8. Вып. 27. С. 124], влг. *плетени́ца* ‘то же’: «Плетеницы заплетают из зелёной ботвы на луке» [2].

К гнезду корня *плет-* принадлежат также арх., влг. *плени́ца* ‘связка лука, чеснока’: «Кто врассыпную хранит, кто пленицами связывает, а все одно лук гниёт сейгод» (влг.) [2; 8. Вып. 27. С. 111], влг. *плёнка* ‘то же’ [Там же] (ср. арх. *плёнка* ‘связка калачей’ [8. Вып. 27. С. 111]), влг. *плёночка* ‘то же’ [Там же. С. 112]. Эти формы (и другие подобные случаи, явно реализующие семантику плетения, вроде диал. шир. распр. *плени́ца*, *плёнка* ‘сеть для ловли птиц’, ‘плот’ и др. [Там же. С. 111]) – результат упрощения группы согласных на стыке корня и суффикса, при этом в формах *плёнка*, *плёночка* произошел переход *e > o* (об этом см. [13. Т. 3. С. 278], где *плени́ца* ‘коса’ и *плёнка* ‘силос на птиц’ возводится к *плету*, причем *плени́ца* объясняется из **плетьница*; см. еще [14. С. 592], где этому упрощению, вопреки М. Фасмеру, присваивается не собственно русский, а праславянский характер ввиду наличия близких по форме и значению инославянских соответствий (к примеру, словен. *pléna* ‘часть кровли’); а также [15], где собраны севернорусские диалектные слова гнезда *плести* включая фонетически менее прозрачные случаи с корнями *плен-*, *плён-*, *плот-*).

Подобные луковые связки называются еще **батманами**: слово практически повсеместно фиксируется в Вологодской области и отмечается также в архангельских и ярославских говорах, ср. арх., влг. *батма́н* ‘связка лука для хранения зимой’: «Батманы сплетают из лука, вешают на стенку хранить-то», «У лука пёрышки зелёные сплетёшь – батман получится, на стену развешат и хранят», «Батманами лук вешали, штук по десять луковиц», «Вон оторви от батмана луковицу», «Сегодня лук-от в батманы вяжу» [2; 9. С. 16; 16. Вып. 1. С. 24; 7. Т. 1. С. 73], яросл. *батма́н* ‘лук с перьями, сплетенными в виде косы’: «Свяжите лук в батманы» [17. Вып. 1. С. 41].

Слово *батман* интересно своим семантическим развитием, в котором значение ‘связка лука’ является одним из этапов. Будучи тюркским заимствованием (ср. тат. *batman* ‘вес в 4 фунта’, диал. ‘посудина, вмещающая сыпучие вещества весом в один батман’, башк. *batman* ‘старая мера сыпу-

чих товаров', диал. 'узкая длинная кадка', др.-тюрк. *batman* 'мера веса (от 180 до 300 кг)' и др. [11. Вып. 2. С. 272]), первоначально *батман* обозначал различные меры веса, ср. у В.И. Даля: «крымский батман и закавказский 26 пудов; крымский же яблочный 25 пуд.; крымский капустный 6 око, или 18 фунтов; в Средней Азии 12 пуд.; но бохарский и оренбургский 8 п., и их идет два на верблюда; тверской 1 п.; казанский хлебный, осьминник, 4 меры или пудовки; казанский же весовой, также саратовский, тамбовский и почти по всей Волге 10 ф.» [18. Т. 1. С. 136]. Из статьи следует, что на центрально-русской территории батман, как правило, равнялся 10 фунтам (т.е. примерно 4 кг). Батманами измерялись соль, мука, хлеб, мед, зерно, сало (см. [8. Вып. 1. С. 143–144]), а также лук и чеснок. Г.Я. Романова приходит к закономерному выводу, что, «видимо, вес подготовленной для продажи и хранения связки чеснока и лука был равен батману» [19. С. 67], отсюда новое, на русской почве образованное значение 'связка лука или чеснока', ср. наиболее раннюю фиксацию *батман* 'связка лука или чеснока соответствующего веса': «Отвезено... плетеного луку въ батманахъ два пуда, да плетеного луку мѣроу три чети» (1676 г.) [20. Т. 1. С. 79], а также описания «устройства» подобной связки: арх. *батман* 'связка лука или чесноку в 120 головок, сплетенных между собою лыком так, что 30 головок составляют длину, а 4 ширину связки' [21. С. 5] и практически аналогичное влг. *батман* 'вязка лука или чесноку, состоящая из 120 луковиц, сплетенных лыками, так что 4 луковицы составляют ширину батмана, а 30 длину» [22. С. 17]. Закрепившись в «луковом» значении, которое в вологодских говорах стало основным, слово уже на его базе приобрело на Русском Севере разветвленную новую семантику, утратившую непосредственную связь с первоначальным значением меры веса. Актуализировалась, во-первых, узкая тематическая сфера, в которой используется слово, – его употребление по отношению к луку, результатом чего стало влг. *батман* 'стрелка лука': «Да и лук весь батманами пошёл», «Батман у зимняка вырастет – хранить его нельзя, надо кушать» [7. Т. 1. С. 74] (в данном случае вероятно также притяжение *батман* к *бот* в этом же значении). Во-вторых, актуализировалась сема сплетенности, что породило такие значения, как арх. *батман* 'венки из цветов': «Из цветов батман вяжут, на голову надевают» [2]; влг. *батман* 'соломенный коврик': «Батман из соломы плели» [7. Т. 1. С. 74]; 'связка' [2]; а также 'связка рябиновых веток с плодами для сушки на зиму': «Ветку на ветку цепляли, рябиновый батман делали, сушили» [2; 7. Т. 1. С. 73–74], ср. более подробное описание: арх. *батман* 'приспособление для хранения рябины зимой, представляющее собой большую палку с закрученными вокруг нее ветками с ягодами': «Батманы – ветки рябины зовут, зимой ѣдят их» [12. Вып. 1. С. 124]. Наконец, от последнего значения образуется арх. *батман* 'плоды рябины': «Поживи у нас подоле, дак батман созреет» [7. Т. 1. С. 74]¹.

¹ Словари фиксируют фонетические варианты слова – как в более раннем «луковом» значении, так и в более новом «рябинном»: *басман* 'связка лука или чеснока':

Еще одно вологодское обозначение связки лука, в которой луковички сплетены между собой, встречается в двух формах – *медведко* и *медведок*: «У меня раз лука многоросло, а старушка одна попросила. Я медведко красного лука сняла, ей отдала»; «Медведок на верёвку крутят, луковички идут по кругу»; «Луку навесили медведок на верёвку» [2]; «Лук-от хочу весь в медведки сделать, эдак быстрее высохнет»; «Медведки над печью висят» [16. Вып. 4. С. 77].

Диалектные лексемы *медведко* (*медведка*) и *медведок* представляют собой обширный набор омонимов, причем многие из значений выражаются всеми названными формами. Разные значения весьма далеко отстоят друг от друга – ср., к примеру, общенар. *медведка* ‘насекомое отряда прямокрылых, с покрытым короткими бархатистыми волосками телом, живущее в земле и являющееся вредителем сельскохозяйственных культур’, уфим. *медведка* ‘спаржа аптечная *Asparagus officinalis* L.’ [8. Вып. 18. С. 64], влг. *медведка* (-о) ‘рычаг, используемый для валки леса’ [2], без указ. места *медведок*, *медведка* ‘слепец, слепыш, подземный головастый зверок *Spalax typhlus*, вовсе безглазый’ [18. Т. 2. С. 814] и мн. др. Несмотря на значительные семантические расстояния, можно предполагать, что все обсуждаемые синхронные омонимы являются семантико-словообразовательными дериватами слова *медведь*. В частности, мотивационные признаки, положенные в основу «растительных» номинаций (названий спаржи, дягиля, грибов), среди других многочисленных «медвежьих» названий растений перечислены В.Б. Колосовой в [23]. Наиболее полно омонимичные *медведки* в общенародном языке и диалектах рассмотрены И.А. Шелковой в [24], где прослежена история форм как в «природных» значениях (они фигурируют в памятниках письменности с XVII в., «обрастая» семантическими дериватами СлРЯ XI–XVII в.), так и в «технических» – первое подобное значение фиксируется в словаре XVIII в. – *медведка* ‘низкая телега, дроги на катках для перевозки тяжестей’. И.А. Шелкова считает, что во всех рассмотренных в статье случаях можно говорить о метафорическом переносе на базе разных признаков: по внешнему сходству с медведем возникло *медведка* ‘молодой бобренок’ и диал. (арх., влг., алтайск.) *медведок* (*медведко*, *земляной медведок*) ‘крот’ [Там же. С. 74–75]; приспособления и предметы, обозначаемые этими формами, либо обладают большими размерами, либо предназначаются для работы с тяжестями, что согласуется «с представлением о медведе как большом, сильном и неуклюжем существе» [Там же. С. 76] и пр.

За рамками этого обзора осталось «луковое» значение, причины появления которого проясняются, если поместить его в следующий «расти-

«Куплено святому владыкъ четверикъ лука да 4 басмана чеснока» (1682 г.) [20. Т. 1. С. 77], влг. (вож., хар.) *бакман* ‘связка лука или чеснока’: «Бакман есь луку», «Лука-от в бакманах хорошо сохранился», арх. (шенк.) *бахман* ‘приспособление для хранения рябины зимой, представляющее собой большую палку с закрученными вокруг нее ветками с ягодами’: «Бахман – ребину весили на бахманах. 3 бахмана понакладут, решато и принесут в ызбу» [12. Вып. 1. С. 132].

тельный» лексический ряд: *медведь* ‘мох кукушкин лен’ [18. Т. 2. С. 812], твер. *медведяник* (удар.?) ‘мох’ [8. Вып. 18. С. 66], карел. *медвѣжник* ‘мох с длинным прямым стеблем, используемый в качестве прокладки для утепления сельских деревянных строений’ [Там же. С. 69], влг. *медвѣжник* ‘боровой мох’ [2], влг. *медвѣдок* ‘мох, обложенный вокруг ствола елки’ [Там же], влг. *медвѣдок* ‘сено, не вошедшее в основной стог, которое приметывается к нему’ [Там же]. Спутанная косматая связка луковиц, сплетенных перьями, вполне могла быть названа по сходству с медвежьей шкурой, как это произошло в случаях с названиями мхов и клочка сена.

В архангельских и вологодских говорах отмечается еще одно «растительное» значение, упоминаемое в [23, 24] с указанием на трудность обнаружения его мотивации: арх. *медвѣдко* ‘гроздь рябиновых ягод’, ‘грозди рябины, насаженные на палочку и вывешенные на мороз’ [8. Вып. 18. С. 65], влг. *медвѣдко* ‘палка с привязанными к ней веревочками гроздьями рябины, вывешиваемая на мороз, чтобы ягоды утратили горечь’ [16. Вып. 4. С. 77]. Наличие в архангельских говорах параллельного семантического перехода *батман* ‘связка лука’ > *батман* ‘палка с навязанной на нее рябиной’, рассмотренного выше, где значение ‘связка лука’ является, судя по всему, более старым, позволяет объяснить и «рябиновое» арх. *медвѣдко* как вторичное образование по отношению к лексеме со значением ‘связка лука’.

Весьма популярны **блюда** из лука.

И перо лука, и репчатый лук служат начинкой для пирогов: арх., влг. *лу́ковик*, *лу́ковник* ‘пирог с луком’: «Лук крошат и запекают – это луковик»; «В луковики зелёный лук нарежут да начинят»; «Луковники пекли: луку назагибашь в серёдку, посолишь», влг. *лу́ковишник*, *лу́ковник*, *лу́ковничек* ‘то же’ [2], влг. *луковáтик* ‘то же’ [9. С. 247].

На широкой севернорусской территории готовят в печи похлебку из лука с квасом, имеющую разные названия: арх., влг. *лу́ковница*: «В квас луку репчатого накрошат и в печь поставят, луковницей называется», «Луковницу всё или, молосного-то нельзя» [2], костр. *лу́ковик*: «В квасу варили лук-от, в печь ставили, вот и луковик» [3]¹, влг. *кислұ́ха*, влг. *чипұ́ля*, *целұ́ля*: «Чипұ́ля – это когда лук начистят и в квасе сварят. В постные дни варили ее, не в скоромные» [2], *цибу́ля*, *ципұ́ля*, *чибу́ля*: «Луку нарежут, воды польют – ципуля получится», «Навари, мама, мне цибули», «Раньше, как пост, так одну чибулю ели» [16. Вып. 12. С. 9], влг. *сбурдомáга* ‘тюря, похлебка из кваса, лука и хлеба’ [8. Вып. 36. С. 194].

Луковая похлебка могла быть более простой – не на квасе, а на воде, ср. влг. *рощекóвда* ‘тюря, толченый зеленый лук и кусочки хлеба, размочен-

¹ Ср. его подробный рецепт: «На квасе варили – у нас называли луковик. Очищаешь лук, режешь его не خیلی крупно (выбирали меукой), клали в горшок, заливали квасом, плотно закрывали, ставили в русскую печьку, вечером вынимали и или. Хорошо упаривауся, слаткой аш зделаецця. Раньше в деревне не как сяяс – наешься в пос» [25. С. 129].

ные в квасе или воде, обычная пища в Петров пост' [8. Вып. 35. С. 211], влг. *рощекóлда* (*росщекóлда*, *росщёкóлда*) 'похлебка с луком и картошкой' [2], влг. *расщекóлда* 'кушанье, род похлебки из картошки и лука, приготовленной на воде' [16. Вып. 9. С. 44]; влг. *зváрец*: «Луку накрошат в чугуи, в печи варили, кипятком заливали, да ягод для вкуса кинут, брусянки – вот и зварец», «Луку накрошат в бульон, хлебают из общих чашек – вот это будет зварец» [7. Т. 4. С. 250], влг. *взváрец* 'варенный в воде и упревший в печи репчатый лук' [8. Вып. 4. С. 247], влг. *изváрец* 'то же' [Там же. Вып. 12. С. 101]; влг. *накипéлка* 'простейшая похлебка из хлеба с луком': «Накипелку скоро готовили: воды из-под самовара нальют, хлеба накрошат, масла нальют, лук бросят», «Накипелка у бедных: из самовара крутой кипятят, хлеб, соль, луковица» [3]; влг. *баламы́га* 'суп на воде из хлеба и лука': «Хлеб на воде да луковица – баламыгу наладила» [7. Т. 1. С. 50].

Многие перечисленные названия вполне прозрачны и отражают или основной – луковый – компонент в составе блюда (*луковик*, *луковник* и под.), или его вкус (*кислуха*), или способ приготовления – варку или заливание кипятком (*зváрец* < **взварец*; *накипелка*).

Некоторые из них (*баламыга*, *сбурдомага*) характеризуют невысокое качество блюда и относятся – в разных фонетических вариантах и на разных территориях – не только к «луковым» похлебкам, но и другим столь же незамысловатым или даже некачественным кушаньям, ср. влг., костр., вят. *баламы́ка* 'напиток из жидкого разведенного толокна или овсяной муки; тянучка' [8. Вып. 2. С. 72], свердл. *бардомáга* 'недоброкачественная жидкая пища или напиток: неудавшееся кушанье; гуща (осадок) в квасе, браге, пиве и т. п.' [Там же. С. 114], диал. шир. распр. *бурдомáга* и *бурдымáга* 'плохо приготовленное жидкое кушанье или напиток; бурда', свердл. *бурдомáга* 'пойло для скота', куйбыш. *бурдамáха* 'плохая, прокисшая похлебка; прокисшее молоко' [Там же. Вып. 3. С. 283] и др.

В влг. *расщекóлда* (*рощекóлда* и под.) отразился, как указывают Е.Л. Березович и К.В. Осипова, признак «бульканья» пустой, жидкой похлебки: название этого блюда поддерживает разработанную семантическую модель 'жидкий суп' ↔ 'пустые разговоры', 'тот, кто ведет пустые разговоры, болтун', ср. влг. *расщекóлдывать* 'говорить бойко, тараторить, рассуждать торопливо и резко', влг., иркут. *расщекóлда* 'человек, любящий балагурить, шутить, острить, болтать; трещотка', см. эти примеры и прочие случаи реализации модели в [26. С. 223].

Основой для появления влг. *ч(ц)ип(б)у́ля* 'луковая похлебка' кажется справедливым считать заимствованное в русские (в том числе севернорусские) говоры из польск. *cebula* 'лук' слово *цибуля*, зафиксированное в нескольких источниках, ср. юж., зап., твер., костр. *цыбу́ля* 'лук, зеленый и репчатый' [18. Т. 4. С. 1264], костр. *цибу́ля* 'лук' [27. С. 252], влг. *цибу́ля* 'луковица': «Дарю цибули, чтоб не давали друг дружке дули. Цибули – то лук, лук подарю» [2], а также близкие по значению рассматриваемым «кулинарным» словам арх. *цыбу́ля* 'луковицы, отваренные в квасу' [22. С. 548] и влг. *цыбу́ля* 'то же' [28. С. 512]. Заимствованию, как кажется, с большой

долей вероятности способствовало восточнославянское, а именно украинское, посредничество, ср. укр. *цибуля* ‘лук’. Тогда как частотность чередования *ц/ч* на Русском Севере не вызывает сомнений, открытым остается вопрос об оглушении *б* в вариантах *ципуля* / *чипуля*. Можно предположить влияние со стороны глаголов типа арх. *ципáть* ‘щипать’ [21. С. 186], диал. шир. распр. *чепáть*, *чипáть* ‘трогать’ [18. Т. 4. С. 1305], *чáпáть* ‘трогать, брать, хватать’ [Там же. С. 1285] и под. Эти глаголы вполне могут самостоятельно мотивировать в том числе названия блюд, ср. влг. *чапу́шка* ‘лепешка из толокна’: «Цапушка из овсяна толокна да простокиши, растяпашь – вот и цапушка» [29. Т. 6. С. 757], арх. *чапу́шник* ‘закрытый пирог с начинкой из картофеля’ [Там же], вят. *чипанка* ‘овощной суп’ [30. Вып. 12. С. 68]. Однако привязка влг. *ч(ц)ип(б)у́ля* исключительно к луковому блюду, наличие среди вариантов формы со звонким *б* и присутствие в изучаемых говорах заимствованного *цибуля* заставляют думать об участии последнего в появлении первого.

Мысль о том, что форма *ч(ц)ипу́ля* могла бы возникнуть вне всякой связи со словом *цибуля* ‘лук’, на первый взгляд укрепляет следующий контекст, извлеченный из текста, записанного в Нейском районе Костромской области в 1979 г.: «А колда взошли в избу-то – на столе валялась засохшая цэпуля хлеба да закишшая опара ешшо стояла» [25. С. 156]. Сомнения в реальности формы *цэпуля* связаны с распространенным в том числе на костромской территории словом *цецуля* (*чечуля*) ‘кусок’, ‘кусок хлеба’, ср. костр., твер. *цецуля* ‘большой кусок или ломоть хлеба’ [27. С. 252], влг., олон., перм., симб., тамб., тул. *чечуля* ‘большой ломоть хлеба’ [Там же. С. 257], влг. *цецуля*, *цецюля*, *цицюля*, *цецюлька* ‘большой кусок, ломоть’ [22. С. 556], влг. *чечуля* ‘отдельная часть, кусок чего-л.’: «Экую цецюлю мяса в суп положил!» [16. Вып. 12. С. 40]. Таким образом, встреченное в тексте слово вполне могло стать результатом неправильного прочтения слова *цецуля* ‘ломоть хлеба’ при печатном наборе.

* * *

Идеографический обзор показывает, что рассматриваемая традиция выращивания лука заметным образом проявляет себя и на лексическом уровне, создавая языковые единицы и «приспосабливая» для описания процессов произрастания, хранения и употребления лука корпус слов с растительной, орудийной, пищевой и другой семантикой. Показательно, однако, что рассматриваемая семантическая область не только принимает лексемы других смысловых областей: «луковые» слова сами могут использоваться как источник метафор. В частности, только они из всех «огородных» названий попали в астронимию Вологодчины, ср. названия Плеяд – *Луковка*, *Гряздóк*, *Грэздень*: «Луковка видкая была, от нее как белые ниточки тянутся, волосья ее. У нее волосьев много, крепко в небе сидит», «Бабка говорила, будто бросил кто луковку в небо, а она разгряздилась звёзочкам» [31. С. 88–89, 93].

За повышенным вниманием к луку на территории Русского Севера может стоять целый комплекс обстоятельств. Среди них есть те, которые актуальны далеко не только в рассматриваемых пространственных границах. Во-первых, очевидно, что местная практика существует на фоне традиционно активного культурного (обрядового, медицинского и пр.) и бытового использования лука у всех славян, обусловленного его высокими лечебными, апотропейческими и другими свойствами, см. [32]. Во-вторых, популярности блюд из лука на широкой территории способствует обилие постов в церковном календаре (ср. выше повторяющиеся упоминания постов в контекстах к названиям блюд из лука).

Главной же локальной причиной такого всплеска, отразившегося в обилии этнографических, фольклорных и лексических материалов о луке, как представляется, послужили крайне скудные – по климатическим причинам – возможности для выращивания других «витаминных» овощей или фруктов, к тому же способных храниться на протяжении затяжного зимнего периода. В изучаемой зоне, как многократно свидетельствуют информанты, и лук тоже оказывается довольно трудно выращивать, ср. «Лук самый странный, самый урочливый <подверженный сглазу>, его сажали поэтому тайком» (Ник.); «С луком очень трудно управляться. Один другому даст лука, а у другого он не вырастет» (Тот.); «Не на всех растёт лук, если ты посадила, и он у тебя не вырос, значит на тебя он не растёт, а если вырос, значит, на тебя он растёт» (Тот.); «Лук дак надо умиючи сажать» (Тот.); «Лук могут обурочить <сглазить>, к ему всё пристаёт, очень капризное растение. Надо знать, как его сажать» (Ник.) и мн. др. Это увеличивает количество требуемых от хозяина предосторожностей, что также способствует «разрастанию» деталей описываемой традиции.

Безусловно, следует продолжать полевые наблюдения над описанной практикой, собирать по возможности в разных севернорусских районах данные о способах посадки, методах выращивания лука, запретах и приметах, с ним связанных, спрашивать информантов о приговорах и заговорах, направленных на сбор хорошего лукового урожая, выяснять, какие еще культуры подвергаются столь же пристальному вниманию сажающих, заполнять «луковую» идеографическую сетку (включающую идеограммы «части лука», «гнездо лука», «разросшийся лук», «блюда из лука» и мн. др.) новыми лексемами. Эту просьбу хочется адресовать всем полевым-исследователям Русского Севера и прилегающих к нему территорий.

Литература

1. Кучко В.С., Леонтьева М.О. Лук в лингвокультурной традиции Восточной Вологодчины // Живая старина. 2018. № 2. С. 8–10.
2. Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
3. Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
4. Усачева В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М. : Институт славяноведения РАН, 2008. 368 с.

5. Березович Е.Л., Кучко В.С. «На нищего, на пищевого...»: паремиология и лексика Русского Севера об обильном урожае: Этнолингвистические заметки // Традиционная культура. 2018. № 4. С. 11–19.
6. Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В.П. Аникина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. 480 с.
7. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. Т. 1.
8. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М. ; Л./СПб. : Наука, 1965. Вып. 1.
9. Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / науч. ред. Л.Ю. Зорина. Вологда : ВоГУ, 2017. 604 с.
10. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–2016. Вып. 1–40.
11. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007. Вып. 1.
12. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецевой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. Т. 1.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Астрель–АСТ, 2007. Т. 1–4.
14. Варбо́т Ж.Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. 648 с.
15. Галинова Н.В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
16. Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007. Вып. 1–12.
17. Ярославский областной словарь: в 10 вып. / науч. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб. ; М., 1903–1909. Т. 1–4.
19. Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. 304 с.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. С.Г. Бархударов и др. М. : Наука, 1975. Вып. 1.
21. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 198 с.
22. Словарь областного вологодского наречия: По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.И. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2006. 677 с.
23. Колосова В.Б. «Медвежи» растения в русских говорах // Русская речь. 2012. № 5. С. 94–97.
24. Шелкова И.А. Медведка – огородный вредитель? // Русская речь. 2014. № 3. С. 72–78.
25. Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. комплекс : в 2 т. Т. 1. Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. 224 с.
26. Березович Е.Л., Осипова К.В. «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014. № 1 (20). С. 218–239.
27. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А.Х. Востоков. СПб., 1852. 275 с.
28. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния, ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. 623 с.
29. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

30. Областной словарь вятских говоров / ВятГГУ ; под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров : Коннектика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996. Вып. 1.
31. Рут М.Э. Словарь астрономов: звездное небо по-русски. М. : АСТ-Пресс, 2010. 288 с.
32. Усачева В.В. Лук // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 140–143.

Onion in the North Russian Linguistic and Cultural Tradition

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 53–69. DOI: 10.17223/19986645/61/4

Valeria S. Kuchko, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kuchko@inbox.ru

Keywords: Northern Russian dialects, dialect vocabulary, gardening vocabulary, agriculture vocabulary, ethnolinguistics, semantic-motivational reconstruction.

The article is devoted to the North Russian (especially Vologda and Arkhangelsk) vocabulary related to the practice of growing onions: these are words that name species and parts of this plant, peculiarities of its growth, methods and units of its storage, dishes that are prepared from it. The abundance of “onion” vocabulary in the dialects of the Russian North is not accidental and relates to the extensive ethnographic and folklore materials collected by the Toponymic Expedition of the Ural Federal University mainly in the central and eastern districts of the Vologda region: they are ethnographic information about the time to plant and harvest onions, elements of magical practices that promote good crop of onions, etc.; “onion” folk beliefs; folklore small magic texts accompanying the planting of onions. Together with lexical data, they make up a rich linguistic and cultural tradition associated with the cultivation of onions in the Russian North. This article considers the ideographic originality of the “onion” vocabulary. In particular, the dialects present onion “anatomy” – words naming parts of the vegetable (e.g., Arkhangelsk *volos’ya* ‘onion roots’, Arkhangelsk *osota* ‘onion leaves’, Kostroma *chiv* ‘the lower part of the onion leaf’, etc.). The features of onion “behavior” during its growth is characterized: its ability to expand while growing, to grow into a hard stem, to form several bulbs, etc. (cf. Vologda *gryazdit’sya* ‘grow by nests (about onions)’, Vologda *napyatit* ‘expand while growing (about onions)’, Arkhangelsk *botovik* ‘onion that grows as a hard stem’, etc.). Units of storage are designated: usually it is a bunch, in which bulbs are woven together with their leaves, for which they are convenient to hang (cf. Vologda *pleten’e*, Vologda *batman*, Vologda *medvedko* ‘bunch of onions for drying’, etc.). Dishes from onions that are very popular are named (cf. *lukovatik* ‘onion pie’, Vologda *kislukha*, Vologda *chipulya*, Vologda *zvarets* ‘onion soup with kvass’, etc.). Some words (namely those that are particularly interesting from a motivational point of view, or “dark” in origin, or represent a curious semantic shift and so on) are accompanied in the article by a semantic-motivational commentary: their belonging to a particular etymological word-formation family is indicated, semantic connections with other words of the family are shown, the history of their origin in the language is presented, assumptions about their motivation are made. Some reasons for the increased attention to the onion in the Russian North are suggested. Among them are those that are relevant not only in the considered spatial boundaries. The main local reason for this tradition reflected in the ethnographic, folklore and lexical materials about the onion seems to be the fact that there are extremely scarce – for climatic reasons – opportunities for growing other “vitamin-rich” vegetables or fruits that can be stored during the long winter period. A wish to linguists regarding the field recording of the information about the tradition of growing onions is expressed in the form of lexical, ethnographic and folklore data.

References

1. Kuchko, V.S. & Leont'eva, M.O. (2018) Luk v lingvokul'turnoy traditsii Vostochnoy Vologodchiny [Onion in the linguocultural tradition of the Eastern Vologda region]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 8–10.
2. Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University. (n.d.) *Kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa* [Card index of the Dictionary of Dialects of the Russian North]. Yekaterinburg: Ural Federal University
3. Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University. (n.d.) *Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspeditsii UrFU* [Lexical card index of the Toponymic Expedition of Ural Federal University]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
4. Usacheva, V.V. (2008) *Magiya slova i deystviya v narodnoy kul'ture slavyan* [The magic of words and actions in the folk culture of the Slavs]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS.
5. Berezovich, E.L. & Kuchko, V.S. (2018) "Na nishchego, na pishchego . . .": Russian North Paremiology and Vocabulary of Abundant Harvest. *Ethno-Linguistic Notes. Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 4. pp. 11–19. (In Russian).
6. Anikin, V.P. (ed.) (1998) *Russkie zagovory i zaklinaniya. Materialy fol'klornykh ekspeditsiy 1953–1993 gg.* [Russian arcane rites and spells. Materials of folklore expeditions of 1953–93]. Moscow: Moscow State University.
7. Matveev, A.K. (ed.) (2001) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1. Yekaterinburg: Ural State University.
8. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad/St. Petersburg: Nauka.
9. Zorina, L. Yu. (ed.) (2017) *Slovar' vologodskogo rezhskogo govora (po materialam dialektologicheskikh ekspeditsiy v Syamzhenskiy rayon Vologodskoy oblasti)* [Dictionary of the Vologda Rezhskoe dialect (based on materials of dialectological expeditions to the Syamzhenskiy district of the Vologda region)]. Vologda: Vologda State University.
10. Trubachev, O.N. & Zhuravlev, A.F. (eds) (1974–2016) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Is. 1–40. Moscow: Nauka.
11. Anikin, A.E. (2007–) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
12. Getsova, O.G. (ed.) (1980–) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow: Moscow State University.
13. Vasmer, M. (2007) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Astrel'–AST.
14. Varbot, Zh.Zh. (2012) *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Studies in Russian and Slavic etymology]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
15. Galinova, N.V. (2000) *Etimologo-slovoobrazovatel'nye gnezda praslavyanskikh korney so znacheniyami 'gnut', 'vertet', 'vit' v govorakh Russkogo Severa* [Etymological and derivational word families of pre-Slavic roots with the meanings 'bend', 'twirl', 'twist' in the dialects of the Russian North]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
16. Panikarovskaya, T.G. (ed.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute/University.
17. Mel'nichenko, G.G. (ed.) (1981–1991) *Yaroslavskiy oblastnoy slovar': v 10 vyp.* [Yaroslavl Regional Dictionary: in 10 issues]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical Institute.
18. Dahl, V.I. (1903–1909) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 3rd ed. St. Petersburg; Moscow.
19. Romanova, G.Ya. (2017) *Ob'yasnitel'nyy slovar' starinnykh russkikh mer* [Explanatory dictionary of ancient Russian measures]. Moscow: Un-t Dmitriya Pozharskogo.

20. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975–) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Moscow: Nauka.
21. Podvysotskiy, A.I. (1885) *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg.
22. Levichkin, A.I. & Myznikov, S.A. (eds) (2006) *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya. Po rukopisi P. A. Dilaktorskogo 1902 g.* [Dictionary of the regional Vologda dialect. By to the manuscript of P.A. Dilaktorskiy, 1902]. St. Petersburg: Nauka.
23. Kolosova, V.B. (2012) “Medvezh'i” rasteniya v russkikh govorakh [Medved-stemmed plants in Russian dialects]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 94–97.
24. Shelkova, I.A. (2014) Medvedka – ogorodnyy vreditel'? [Gryllotalpa gryllotalpa: A garden pest?]. *Russkaya rech'*. 3. pp. 72–78.
25. Gantsovskaya, N.S. (2018) *Kostromskie govory: ucheb. kompleks v 2 t.* [Kostroma dialects: textbook in 2 vols]. Vol. 1. Kostroma: Izd-vo Kostroma State University.
26. Berezovich, E.L. & Osipova, K.V. (2014) “Chto edim, tak i zhist' zhivem”: pustoy sup i nekrepiy chay v zerkale yazyka [“We live the way we eat”: Thin soup and weak tea in the mirror of the language]. *Antropologicheskoye forum – Forum for Anthropology and Culture*. 1 (20). pp. 218–239.
27. Vostokov, A.Kh. (ed.) (1852) *Opyt oblastnogo velikorusskogo slovary, izdannyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy akademii nauk* [The experience of the Regional Great Russian Dictionary, published by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg.
28. Tenishev, V.N. (2007) *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravny: Materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazya V. N. Tenisheva* [Russian peasants. Life. Routine. Manners: Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev]. Vol. 5. Pt. 1. St. Petersburg.
29. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey: v 6 t.* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas: in 6 vols]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
30. Dolgushev, V.G. & Smetanina, Z.V. (eds) (1996–) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka dialects]. Kirov: Konnektika; Vyatka State University of Humanities; Raduga-PRESS.
31. Rut, M.E. (2010) *Slovar' astronomov: zvezdnoye nebo po-russki* [Astronym Dictionary: starry sky in Russian]. Moscow: AST-Press.
32. Usacheva, V.V. (2004) Luk [Onion]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar'* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 140–143.